

СЕВЕРНОЕ ДЕЛО

Кира Северина

Кира Северина
Северное дело

«Автор»

2026

Северина К.

Северное дело / К. Северина — «Автор», 2026

Я, Варвара Андреевна Ворон, тридцати двух лет, следователь, дочь генерала и человек, который читает других как открытую книгу, официально заявляю: дело закрыто. Подшила, сдала, поставила печать. И вот уже третий месяц придумываю предлоги туда вернуться. Зовут предлог — Игорь Корсаков. Бывший глава безопасности. «Танк». Мужчина, у которого в досье ни единого пятна, а я в людей без единого пятна не верю: у живых хоть штраф за парковку. Я раскалывала всех — генералов, бухгалтеров, родного папу на тему «во сколько ты вернёшься». Этот молчит так, что я уже подумываю зачитать ему права — просто чтобы услышать тембр. У меня даже есть план, как его расколоть. Я взяла его из детектива, который держу в тумбочке и никому не показываю, потому что на обложке там женщина с собачкой. Но там сработало. Значит, сработает. Меня зовут Ворон. Я не сдаюсь. Вся беда в том, что он — тоже. Четвёртая и финальная книга цикла «Северный», читается отдельно. Весело, местами детективно и очень любовно. Ваша Кира.

© Северина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 : Слишком чисто	5
Глава 2 : А она мне нравится	8
Глава 3 : Крепость	12
Глава 4 : Не моё дело	16
Глава 5 : Вторник	19
Глава 6 : Напарник, которого я не просила	23
Глава 7 : Сзади, Варвара Андреевна	26
Глава 8 : Метод Донцовой	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Северное дело

Глава 1 : Слишком чисто

В понедельник в девять утра я сидела в засаде в кустах сирени напротив подъезда и ела сырок.

Засада, если честно, была так себе. Объект — мелкий мошенник по фамилии Гнидин (я не придумываю фамилии, мне их выдаёт государство), который обещал трём пенсионеркам поставить пластиковые окна, взял предоплату и не поставил ничего, кроме себя в неловкое положение. Дело на полторы страницы. Сидеть в кустах ради Гнидина было оскорбительно для моей квалификации, но Гнидин почему-то перестал открывать дверь следствию, и я решила, что возьму его на выходе, по-простому, как в одном детективе, где сыщица караулила алиментщика у гаражей и взяла его с поличным на банке сгущёнки.

Я, Варвара Андреевна Ворон, следователь со стажем, дочь генерала, человек, который читает людей как меню в столовой, — сидела в кустах с сырком и ждала Гнидина.

Иногда я думаю, что папа был прав.

Папа у меня генерал. На пенсии, но генерал — это не должность, это диагноз, с пенсией он не проходит. Папа тридцать лет руководил людьми, которые при его появлении переставали дышать, и единственный человек, который при его появлении дышать не переставал, — это я. За что папа меня одновременно обожает и не одобряет, причём с одинаковой силой.

Папа был против моей работы. Папа считал, что следователь — не профессия для девочки. Девочка генерала Ворона должна была окончить что-нибудь приличное, выйти за кого-нибудь приличного и родить кого-нибудь приличного, желательно внука, желательно к позапрошлому году. Вместо этого девочка генерала Ворона сидит в кустах сирени и ест сырок, карауля человека по фамилии Гнидин.

— Варвара, — говорит мне папа каждое воскресенье за обедом, — когда ты бросишь эту свою... — тут он делает паузу, подбирая слово помягче, и не находит, — ...беготню.

— Это не беготня, пап. Это служба.

— Служба — это у меня была служба. А у тебя беготня за жуликами.

— Жулики сами себя не поймают.

— Вот пусть их ловят те, кому положено.

— Мне и положено.

На этом месте папа обычно смотрит на маму, мама смотрит в тарелку, и мы переходим к десерту, потому что этот разговор у нас на третьем десятке повторений и оба знают наизусть, кто что скажет. Папа не понимает одного: чем больше он говорит, что это не для меня, тем крепче я в это вгрызаюсь. Я бы, может, и бросила давно. Но бросить — значит признать, что папа был прав. А этого не будет никогда. Скорее Гнидин поставит пенсионеркам окна.

Гнидин вышел в девять сорок.

Я опознала его сразу — по тому, как человек выходит из подъезда, видно всё: должен он кому-то или нет, спокоен или ждёт подвоха, честный или Гнидин. Этот был *Гнидин* до кончиков ушей. Он завертел головой, проверяя двор, не заметил меня (меня никто не замечает, пока я сама не захочу, это профессиональное), и бодро двинулся к припаркованной неподалёку машине.

Я вышла из кустов, отряхнула с пальто лепестки и пошла наперерез.

— Гнидин Олег Петрович?

Он дёрнулся. Красиво так дёрнулся, всем телом, как дёргаются люди, у которых совесть весит больше, чем они сами.

— А вы... кто?

— Я та, — сказала я, доставая удостоверение, — кому три пенсионерки рассказали про окна. В подробностях. С чертежами.

Дальше было неинтересно. Дальше Гнидин делал то, что делают все Гнидины: возмущался, обещал «всё вернуть прямо сегодня», искал на моём лице признаки того, что со мной можно договориться. Признаков не было. Я в этом смысле очень экономичный человек: со мной нельзя договориться, и это видно издалека, поэтому мне редко даже предлагают.

Я оформила Гнидина и поехала на работу с чувством слегка испорченного утра. Не потому, что Гнидин. А потому, что я — следователь со стажем, с раскрываемостью, которой завидует половина управления, — последний месяц ловлю Гнидиных. Окна. Гаражи. Сосед украл у соседа триммер. Бытовуха, мелочь, скукотища, на которой не растут ни звёзды на погонах, ни хотя бы интерес к собственной жизни.

Я не для этого шла в профессию. Я шла в неё за тем, чего папа мне так и не простил, — за *настоящим*. За делом, в котором нужно *думать*, а не караулить у гаражей.

Я не знала ещё, что *настоящее* уже лежит у меня на столе. В тонкой папке, которую никто, кроме меня, не считал делом.

Папка пришла от Дениса из соседнего отдела с сопроводительным вздохом: «Варь, глянь, тут бабы какие-то жалуются, по-моему, ерунда, но раз ты любишь повозиться...»

Дениска считает, что я «люблю повозиться». Дениска считает так, потому что я раскрываю то, что он закрывает с формулировкой «состава нет». У нас с Деном разные представления о составе. У Дена состав — это когда труп и над ним стоит человек с ножом и подписанной явкой. У меня состав — это когда *что-то не сходится*.

В папке не сходилось всё.

Четыре женщины. Разные. Не знакомы между собой. Возраст от сорока до пятидесяти пяти, все обеспеченные — очень обеспеченные, из тех, у кого квартира в центре и дом за городом не для понта, а просто потому что. Все за последний год познакомились с мужчиной. Каждая — со своим, как они думали. Каждый мужчина был немного разный: один представлялся вдовцом-архитектором, другой — врачом из-за границы, третий — владельцем виноградников где-то, где красиво. Разные имена, разные истории, разные лица — две даже приложили фото, и на фото были разные мужчины.

И каждая в какой-то момент рассталась с крупной суммой. Кто с деньгами, кто с украшениями, кто подписала что-то, чего не должна была подписывать. А потом мужчина исчезал — мягко, без скандала, так, что и в полицию идти вроде не с чем, и стыдно: я взрослая умная женщина, как я могла.

Денис увидел тут четыре отдельные глупости четырёх влюблённых дур.

Я увидела одно.

Почерк.

Я разложила перед собой все четыре истории и стала читать их так, как читаю всё, — не что написано, а что между.

Разные имена. Разные легенды. Разные лица.

И одно и то же — там, где люди обычно не смотрят.

Все четверо познакомились «случайно» — но случайность была одного сорта: в местах, где богатая одинокая женщина бывает одна и расслаблена. Галерея. Закрытый показ. Благотворительный вечер. Клиника бизнес-класса. Не там, где знакомятся, — там, где теряют бдительность.

Все четверо мужчин не торопились. Никто не просил денег сразу. Все ждали — недели, месяцы. Так ждёт не жадный. Так ждёт терпеливый. А терпение в нашем деле — самая редкая и самая страшная вещь.

Все четверо ни разу не прокололись на мелочи. Ни одной фотографии в обнимку. Ни одного лишнего свидетеля. Ни одного документа со своим настоящим лицом. Чисто. Очень чисто.

Слишком чисто.

Я люблю эту фразу. Я её говорю всем, кто готов слушать, и большинству, кто не готов. Когда у человека в деле всё гладко, без единого пятна, — это не значит, что он чист. Это значит, что он лучше других умеет убирать за собой. Грязь есть у всех. У живых людей всегда есть хоть одно пятно — забытый чек, лишнее фото, болтливый сосед, штраф за парковку. Идеально чистым бывает только то, что специально вычистили.

Эти четыре дела были вычищены одной рукой. Я это чувствовала так же ясно, как чувствую запах сирени на собственном пальто.

Один человек. Четыре маски. Год работы. И ни единого пятна.

Я смотрела на эту папку, которую Денис назвал ерундой, и впервые за месяц чувствовала, как внутри поднимается то, ради чего я вообще живу.

Азарт.

— Ну привет, — сказала я папке. — Наконец-то кто-то интересный.

Я не знала тогда двух вещей.

Первого: что этот человек окажется лучше всех, кого я ловила, — настолько лучше, что в какой-то момент будет на шаг впереди меня самой, а я, между нами, не привыкла, чтобы кто-то был впереди меня.

И второго — куда более неприятного.

Что ниточка от этой папки потянется в круг людей, с которыми я уже однажды имела дело. В тот самый холдинг, где год назад я закрыла большое и страшное дело — то, после которого я случайно попала на чужую свадьбу, пришла туда на десять минут по работе, а простояла полвечера, потому что один человек у стены смотрел на меня так, будто это я подозреваемая, а не наоборот.

Человека звали *Игорь Корсаков*.

И я, разумеется, тогда решила, что больше никогда в жизни его не увижу.

Я же следователь. Я обязана иногда ошибаться — иначе работа была бы скучной.

От автора:

Добро пожаловать в финал!

Если вы со мной с «Северного кода» — спасибо, что дошли, наливайте чай.

Если впервые — ничего, Варя вам всё объяснит, она по должности обязана.

Предупреждаю сразу: эта книга — комедия. Расслабьтесь, тут никто не страдает. Максимум — Игорь. И поделом. Поехали?

Целую, Кира.

Глава 2 : А она мне нравится

Из четырёх женщин я начала с той, что злилась громче всех.

Это, кстати, профессиональное: если хочешь быстро во всём разобраться, иди не к самой умной жертве, а к самой злой. Умная будет щадить себя и редактировать историю. Злая выложит *всё*, потому что ей нужно, чтобы кто-то наконец разделил её ярость.

Жертву звали Жанна.

Жанна приняла меня в кабинете над одним из своих салонов — у Жанны, как выяснилось, была сеть салонов красоты, бутик и доля в чём-то ещё, я не вникала, — и кабинет был под стать хозяйке: много золота, много зеркал, много Жанны. Сама Жанна оказалась крупной, яркой, в кольцах на всех пальцах, кроме одного. И этот один палец был центром нашей встречи, потому что именно с него исчезло фамильное кольцо.

— Я, — сказала Жанна вместо «здравствуйте», уперев в меня палец без кольца, — вижу людей насквозь. Тридцать лет в бизнесе. Меня. Не. Обманывают. Вы понимаете, деточка?

— Понимаю, — сказала я. — Поэтому вы сидите тут с пустым пальцем и следователем напротив.

Жанна задыхнулась. Секунду я думала, что она меня выгонит. А потом она расхохоталась — громко, на весь кабинет, так, что звякнули зеркала.

— Дерзкая, — сказала она с одобрением. — Хорошо. С дерзкими я говорю. Это с вежливыми я не говорю, вежливые меня усыпляют. Садись, деточка. Сейчас я тебе расскажу, как меня, Жанну, которую *не обманывают*, обманули.

Я села. Я люблю, когда меня называют деточкой люди, которые потом выкладывают всё до копейки.

История Жанны слово в слово ложилась на остальные три.

Случайное знакомство — на закрытом показе, «куда кого попало не пускают». Мужчина — обаятельный, неторопливый, представился владельцем виноделен где-то в красивом месте. Не приставал, не торопил, не просил. Наоборот — сам всё оплачивал, сам исчезал на недели, заставляя по себе скучать. Идеально вёл. А потом подвернулась «возможность войти в дело» — выгодная, срочная и, разумеется, конфиденциальная, — и Жанна, которая видит людей насквозь, занесла деньги сама. И кольцо в придачу, «под залог», в порыве доверия.

А потом винодел растворился. Телефон умер, винодельни не существовало, лицо на единственном фото оказалось чужим — стоковым, как потом выясню уже я.

— Я даже в полицию пойти не могла, — сказала Жанна, и впервые за разговор её громкость осела. — Стыдно. Я Жанна. У меня сеть. Меня сотрудницы боятся, поставщики боятся, бывший муж до сих пор боится. А тут пришёл красивый виноградный мальчик и развёл меня, как первоклассницу. Кому такое расскажешь?

— Мне, — сказала я. — Я никому не разболтаю. Мне по должности нельзя.

И вот тут Жанна посмотрела на меня уже по-другому. Без «деточки». Как смотрят, когда решают, что тебе можно доверять.

— Знаешь что, — сказала она. — Ты мне нравишься. Поехали. Я тебя кое с кем познакомлю. С девочками. Им тоже надо это слышать, они мне всё твердят, что я драматизирую.

— С какими девочками?

— С нормальными, — сказала Жанна, уже надевая шубу, хотя на улице был сентябрь. — Тут недалеко. Обедаем мы все вместе по средам, традиция. А сегодня как раз среда.

Я не успела сказать, что я при исполнении и по средам не обедаю. Жанну, как и папу, бесполезно ставить в известность о своих планах. У таких людей твои планы — это просто шум, который они пережидают.

«Девочки» оказались не теми девочками, которых я ожидала.

Меня привезли в ресторан — не пафосный, тёплый, из тех, где знают по имени, — и за большим столом у окна сидели две женщины, которые при появлении Жанны даже не вздрогнули. Это само по себе говорило об их характере: Жанна заходит в помещение, как ледокол в порт.

— Девочки! — провозгласила Жанна. — Это Варя. Следовательно. Она будет ловить моего винодела. Варя, это Полина и Ева.

Знакомить нас было поздно.

Я узнала их в ту же секунду, как вошла, — а они меня. Полину и Еву я знала не по фотографиям. Год назад я вела дело, в котором они обе фигурировали, — большое, тяжёлое дело того самого холдинга, — и провела с ними не один час по другую сторону стола. *Такое не забывается*. Ни мной — я следователь, я не забываю лиц, — ни ими: следователя, который год назад разбирал по косточкам их жизнь, женщины такого склада помнят до гроба.

Жанна, конечно, ничего этого не знала и сияла, как человек, который свёл наконец нужных людей.

— Мы знакомы, Жанночка, — сказала Ева, не сводя с меня глаз. — Варвара Андреевна как-то раз провела в моей жизни очень содержательную неделю. С протоколами.

— Я делала свою работу, — сказала я.

— Вы её делали хорошо, — сказала Ева. — Это и было неприятнее всего.

Полина — мягкая, тёплая, из тех, кому сразу хочется рассказать, что у тебя болит, — посмотрела на меня без всякой обиды, скорее с любопытством:

— Вы тогда были... жёстче, — сказала она. — Сейчас другая.

— Тогда я работала против вас, — сказала я. — Сейчас, как ни странно, на вашей стороне. Это меняет манеру.

Ева чуть прищурилась — тем взглядом, который я узнала, потому что сама так смотрю. Считывающим.

— А она мне всё ещё нравится, — сказала Ева Полине. — Год назад нравилась и сейчас нравится. Бесило только, что не могла её прочитать. Скажи, Варвара Андреевна, тебя вообще кто-нибудь читал хоть раз?

— Один человек, — сказала я раньше, чем подумала. — То есть нет. Никто.

И *слишком поздно* поняла, что оговорила. И что обе это поймали.

Обед прошёл не так, как я планировала свой рабочий день.

Я пришла снять показания с одной потерпевшей. А оказалась за столом с тремя женщинами, которые знали друг друга сто лет, перебивали друг друга, доедали друг у друга с тарелок и обсуждали моего винодела так азартно, будто это сериал, а не уголовное дело.

И — что меня по-настоящему удивило — они были не дуры.

Я шла к «богатым тёткам, которых развели». А нашла трёх женщин, каждая из которых в своём деле была акулой. Жанна с её империей салонов. Полина — разработчик, как я потом узнала, из тех, кто видит системы насквозь. Ева — эта вообще, по ощущению, могла бы вести допросы лучше меня, причём без удостоверения, на одной интонации.

И вот кого-то из этого круга обвели вокруг пальца.

Точнее, обвели Жанну. Но сам факт, что мой фигурант работал там, где женщины вот такого калибра, менял картину. Он не дур искал. Он искал *умных*, сильных, уверенных, что их не обмануть. Потому что таких слаще всего обманывать: они до последнего не верят, что попались, и потому не бегут в полицию.

Я отметила это. Хороший у меня клиент. Амбициозный.

— Ты прямо загорелась, — заметила Полина, глядя на меня. — У тебя лицо поменялось, когда ты это поняла. Про то, что он умных выбирает.

— Это плохо, — сказала я. — Когда у следователя меняется лицо. Меня учили, что нельзя.

— А по-моему, хорошо, — сказала Полина. — Когда человек любит своё дело. Я редко вижу.

А ближе к кофе случилось то, ради чего, кажется, весь этот обед и затевался где-то там, наверху, в канцелярии судьбы, которая обожает такие штуки.

Ева отставила чашку и посмотрела на меня прямо — без подходов.

— А теперь, Варвара Андреевна, серьёзный вопрос, — сказала она. — Только честно, ты ведь у нас честная по долгу службы. На моей свадьбе, год назад. Ты простояла весь вечер в углу, как посланный казачок. Якобы по работе. И весь вечер пялилась на одного нашего человека. А он — на тебя. Весь. Вечер. Это видели все, кроме, кажется, вас двоих.

Я знала, о ком она. Конечно, я знала.

Я и сама не забыла ту свадьбу — хотя зашла туда на десять минут, добрать подписи, а застряла на полвечера, потому что фигуранты разбрелись по торжеству. И не забыла человека у стены. Высокого, неподвижного, с бокалом, к которому он так и не притронулся. Единственного во всём зале, кого я не сумела прочесть, — а я читаю всех. Он стоял и смотрел на меня так, будто это я подозреваемая, а не наоборот. И я смотрела в ответ. И мы оба делали вид, что просто разглядываем зал.

— Я работала, — сказала я. — Я не пялюсь. Я *наблюдаю*. Это разные вещи.

— Угу, — сказала Ева. — Игорь тоже «наблюдал». Он у нас профессиональный наблюдатель, полжизни этим занимается. Но так, как он наблюдал *тебя*, он не наблюдал ещё никого и никогда.

— Ева, — мягко сказала Полина, но было видно, что ей самой смешно.

— Что «Ева», я правду говорю, — сказала Ева. — Варвара Андреевна, я тебя предупреждаю по-человечески, потому что ты мне нравишься. Этот человек — *крепость*. Стена. Я его знаю сто лет, и я ни разу не видела, чтобы он на кого-то так смотрел. Так что либо забудь, либо берись всерьёз. *Серединки с ним не бывает*.

— Я веду дело о брачном аферисте, — сказала я. — Мне сейчас не до крепостей.

— Ну-ну, — сказала Ева и переглянулась с Полиной, и Полина опять спрятала улыбку в чашку.

И я поняла, что попала.

Не в смысле дела. В смысле — *попала*. В поле зрения трёх женщин, которые теперь не отстанут. Я это поняла так же ясно, как чувствую запах сирени на пальто и фальшь в чужом голосе.

Домой я вернулась поздно, с папкой, полной новых деталей, и с неприятным ощущением, что сегодня допрашивала не только я.

Я села на кухне, достала из тумбочки книжку — ту самую, с женщиной и собачкой на обложке, которую я не показываю никому, потому что серьёзному следователю не положено, — и открыла на середине, где сыщица как раз вычисляла брачного афериста по тому, что он «слишком хорошо умел слушать».

«Слишком хорошо умел слушать», — записала я себе. А что, мысль. Мой винодел тоже слушал. Жанна весь обед повторяла: «он меня слушал так, как меня никто не слушал». Аферисты — *лучшие слушатели на свете*. Им за это платят.

Я закрыла книжку, заварила чай и поймала себя на том, что думаю не о виноделе.

Я думаю про угол. Про мужчину в углу с бокалом, к которому он не притрагивается. Про то, как глупо я соврала «нет», когда они спросили, — слишком быстро, слишком ровно. Я сама бы такому «нет» не поверила ни на секунду.

Я помнила его. Конечно, я его помнила.

Я следователь. Я помню всех. Тем более тех, кого *не смогла прочитать*. Их, к счастью, мало.

Он был — *один*.

И я очень, очень надеялась, что это дело никаким боком не приведёт меня туда, где стоит в углу человек, на котором впервые в жизни сломался мой главный профессиональный навык.

Спойлер, как пишут в моих книжках с собачкой на обложке: *надеялась я зря*.

Глава 3 : Крепость

Все четыре знакомства начались в местах, куда «кого попало не пускают». Я решила, что меня как раз пускают куда попало, — это, в конце концов, моя работа.

Из четырёх точек я выбрала ту, что в деле всплывала дважды: закрытый клуб-галерея в одной из башен Сити. По вечерам там «для своих» — вино, картины, которые никто не покупает, и состоятельные одинокие люди, которые делают вид, что пришли за картинами. Идеальный пруд для моего афериста. Тёплая вода, жирная рыба, и никто не ждёт сачка.

Сачком в этот вечер работала я.

Пришла я, правда, в четверг — просто потому, что сегодня был четверг, а ждать у меня терпения нет с рождения, о чём вам с удовольствием доложит мой папа-генерал. Это, как выяснится через полчаса, была ошибка. Но об ошибке мне сообщит человек, от которого я меньше всего хотела что-либо выслушивать.

Так обычно и бывает: правду тебе говорит ровно тот, кого ты бы с радостью не слушал никогда.

Попасть внутрь оказалось делом техники и одного звонка не самому приятному человеку, который был мне должен. К восьми вечера я стояла в зале на каком-то очень высоком этаже, с бокалом минералки, замаскированной под шампанское, в единственном своём приличном платье, и осматривала пруд.

Платья я, к слову, ненавижу. Платье — это форма одежды, в которой нельзя ни бежать за подозреваемым, ни сесть нормально, ни спрятать на себе ничего тяжелее помады. В платье я чувствую себя засланной не на ту планету. Но в кустах сирени аферистов не ловят — аферистов ловят вот в таких залах, где пахнет деньгами и враньём, и где, чтобы сойти за свою, надо надеть то, в чём ты себе самой не нравишься.

Зато у меня был план. Гениальный, как обычно. Я подсмотрела его — не скрою — у одной сыщицы, которая прикинулась богатой вдовой и вычислила жулика по тому, как жадно он смотрел на её часы. Часы я надела мамины, настоящие, дорого кричащие. Я была морально готова к тому, что на них будут смотреть.

Я не была готова к тому, на что наткнулась сама.

Я обходила зал по краю — привычка, по краю всегда видно больше, — и на втором круге упёрлась взглядом в дальнюю стену.

У стены стоял мужчина.

Высокий. Широкий. Очень неподвижный. С бокалом, к которому он за весь вечер, кажется, так и не притронулся.

Стоял он вполоборота к окну, в котором горел вечерний город, — и при этом, я голову готова была дать на отсечение, держал в поле зрения весь зал, дверь и меня заодно. Я узнала эту повадку мгновенно, всем телом, ещё до того, как узнала лицо. Так стоят только люди определённого ремесла: те, кто всю жизнь следит, чтобы никто не зашёл им за спину.

А потом он чуть повернул голову — ровно настолько, чтобы поймать меня, — и я узнала и лицо.

Игорь Корсаков.

«Ну конечно, — подумала я. — Конечно. В целом городе одна башня, в башне один зал, в зале одна стена — и у этой стены, естественно, он. Вселенная, ты даже не стараешься. Ты прямо в открытую надо мной работаешь».

Я подошла. Потому что не подойти — значит признать, что я его испугалась, а это противоречит и должности, и фамилии.

— Корсаков, — сказала я.

— Ворон, — сказал он.

И всё. Тишина. Он смотрел на меня сверху вниз — на меня все смотрят сверху вниз, кроме подозреваемых на табуретке, — и молчал. Не зло. Просто молчал, как молчит шкаф: ему нечего тебе сказать, он шкаф.

Я допрашиваю людей десять лет. Я умею молчать так, что собеседник, не вынеся тишины, начинает сам заполнять её признаниями, за которые потом получает срок. Пауза — мой рабочий инструмент. Я держу её, как фотограф держит дыхание перед кадром.

Он держал её *лучше*.

Мы стояли и молча мерились молчанием, как два кота, не поделивших забор, и я с ужасом и восторгом поняла, что вот сейчас, впервые за всю карьеру, не выдержу я.

Это было оскорбительно. Это было унижительно. Это было, чёрт возьми, *интересно* — а ничего интереснее со мной не случилось уже месяц.

— Вы тут по делу или искусство вас так захватило? — сдалась я первой. Запишите этот исторический день, потомки: Ворон сломалась за тридцать секунд.

— По делу, — сказал он.

— По какому?

— По своему.

— Какой вы интересный собеседник, — сказала я. — Прямо фонтан. Я записываю, не успеваю.

Уголок его рта дрогнул. На один миллиметр. Я бы не поймала, если б не пялилась в это лицо, как кот в дырку, откуда вот-вот покажется мышь, — а я пялилась, потому что это лицо было моим личным профессиональным позором. Единственным лицом в городе, которое я не умела читать.

И этот миллиметр был хуже любого ответа. Потому что означал: ему *не скучно*. Что он, гад такой, развлекается за мой счёт.

— А вы, — сказал он, — по брачному аферисту.

Я чуть бокал не выронила.

— Откуда, — сказала я. Не вопрос. Утверждение, которому я придавала форму вопроса, чтобы не так позорно звучало.

— Вы обошли зал дважды по краю, — сказал он ровно. — Считали людей и двери, а не картины. Часы на вас дорогие, но к платью не подобранные — значит, надеты напоказ, как приманка. Вино в бокале не тронуто, и держите вы его как реквизит, — значит, на работе и трезвая. А пришли вы в день, когда здесьлюдно и тесно от камер. — Он сделал паузу. — Так ходит не гостья. Так ходит следователь, который кого-то пасёт. Я бы скорее удивился, если бы вас тут *не* было.

Я молчала.

И это было не профессиональное молчание мастера паузы. Это было молчание человека, которого только что раздели до нитки его же собственным приёмом. Меня — меня, Варвару Ворон, которая видит людей как открытую амбулаторную карту, — прочитали по мелочам. Быстро, точно, безжалостно. Ровно так, как это делаю я. Как будто я посмотрелась в зеркало, а зеркало оказалось ростом под два метра и в тёмной рубашке.

— Вы сейчас, — выговорила я наконец, — проделали мой коронный номер. На мне.

— Я заметил, что он ваш, — сказал он. — Решил вернуть.

— И как мне это должно понравиться?

— Никак, — сказал он. — Мне на вашем месте не нравится.

И снова этот миллиметр. Тень улыбки. Почти.
Я поняла две вещи сразу.

Первая: этот человек видит меня насквозь так же легко, как я вижу всех остальных. И это бесит меня *до скрипа зубов*.

Вторая, куда хуже первой: мне это нравится. Очень. Неприлично.

— Раз вы такой зоркий, — сказала я, переходя в атаку, потому что лучшая защита — это нападение, особенно когда тебя только что выпотрошили на глазах у двух картин и официанта, — поделитесь наблюдением. Вы тут всех знаете, это ваш гадюшник. Кто из местных кавалеров похож на охотника за богатыми дамами?

— Половина зала, — сказал он.

— Спасибо. Бесценный вклад в следствие.

— Вторая половина — дамы, которые охотятся на кавалеров, — добавил он. — Так что весь зал, без остатка.

— Вы людям вообще когда-нибудь помогаете? Или только подпираете стены и язвите в час по чайной ложке?

— Помогаю, — сказал он. — Когда просят те, кому я должен. Вы мне не должны. Я вам — тоже. Так что я просто подпираю стену.

— Изумительно, — сказала я. — Подпирайте дальше. Не смею отвлекать вас от такой ответственной работы.

Я развернулась и пошла прочь — прямо, гордо, как уходит женщина, которую совершенно, абсолютно, ни на грамм не задела.

— Ворон, — сказал он мне в спину.

Я обернулась. Слишком быстро. Отметила это и мысленно вlepила себе штраф.

— Того, кого вы ищете, сегодня не будет, — сказал он. — Вы пришли в четверг. По четвергам тут не работают такие, как он: людно, светло, всюду телефоны и лишние глаза. Он выберет день потише. Вторник. Я бы на его месте взял вторник.

— А с чего вы взяли, что разбираетесь, как он думает? — спросила я, мгновенно подбравшись, потому что это было дельно, чёрт возьми, обидно дельно.

— Я полжизни думаю, как думают те, от кого надо защищать, — сказал он. — Профессия. Это как у вас — только с другого конца.

Он отвернулся к окну. И опять сделался стеной — спиной, плечами, молчанием.

А я стояла посреди чужого зала в платье, в котором себе не нравлюсь, и осознавала неприятное: этот невыносимый сухарь за полминуты выдал мне по делу больше, чем я наскребла за неделю.

«Вторник», — записала я себе в голове, крупно.

И тут же, ниже, мелким стыдным почерком, в той части сознания, куда я сама стараюсь не заглядывать: «у него *красивые руки*. Особенно когда держат бокал, который он так и не выпьет».

Строчку я тут же мысленно зачеркнула. Дважды. Жирно.

Но, как любит повторять одна моя любимая сыщица, которую я никому не показываю: зачёркнутое в протоколе *остается* в деле.

Домой я ехала злая и довольная разом — состояния взаимоисключающие, но в тот вечер они во мне прекрасно ужились, разлились по-братски и даже не толкались.

Злая — потому что меня прочитали. *Меня!*

Как Жанну её винодел. Как первоклассницу, которая спрятала дневник под подушку и думает, что это надёжно.

Довольная — потому что у меня появился «вторник». И потому что, если совсем честно, а я с собой честна, иначе нельзя в моей работе, — эти полчаса были самым интересным, что случилось со мной за месяц. Включая, между прочим, задержание Гнидина, а Гнидина я люблю.

И ещё кое-что. Это я додумывала уже на красный, и сама себе за это не нравилась.

Я была рада, что он не возник специально ради меня. Что мы столкнулись случайно. Что ни он не искал, ни я — а вышло вот так.

Потому что если бы искал он — это была бы его инициатива, его шаг, и тогда мне пришлось бы что-то с этим делать.

А раз случайность — то и делать ничего не надо. Это просто работа. Просто дело. Совпадение.

Я, Варвара Андреевна Ворон, тридцати двух лет, гордость управления и отдельное разочарование своего отца-генерала, всю дорогу домой подыскивала, на что бы списать одну простую и крайне неудобную вещь: мне понравилось с ним *собачиться*.

Списала на дело.

На дело вообще удобно всё списывать. Особенно то, в чём не готова признаться даже себе, даже ночью, даже под подушкой, где у нормальных людей дневник, а у меня — детектив с собачкой на обложке и одна вычеркнутая строчка про чужие руки.

Глава 4 : Не моё дело

[Игорь]

Я пришёл туда не из-за неё. Это я хочу сказать сразу — для протокола, который никто не ведёт, кроме меня самого.

Раз в неделю один мой бывший коллега, который теперь стережёт этот клуб-галерею, зовёт меня «глянуть свежим глазом» — нет ли дыр в их хвалёной охране. Дыры есть всегда. Я хожу, нахожу, говорю где. Мне платят ужином и тем, что я полтора часа стою в зале и молчу, а это, между прочим, моё любимое занятие. Не все понимают. Большинство людей боятся тишины так, будто в ней кто-то прячется. В ней действительно кто-то прячется. Я.

В тот четверг я стоял у дальней стены, считал — по привычке, без задачи — кто здесь лишний, и пил глазами, а не ртом. И тут в зал вошла *проблема*.

Проблема была невысокого роста, в чёрном платье, с чёрным каре и с такой осанкой, будто пришла всех арестовать, а ордер забыла в машине, но это её не остановит.

Я узнал её сразу.

Год назад эта женщина по фамилии Ворон неделю разбирала по косточкам всю мою жизнь и жизнь людей, которых я обязан защищать. Делала она это хорошо. Настолько хорошо, что я, человек, привыкший видеть чужие приёмы насквозь, поймал себя на уважении — а это со мной случается реже, чем солнечное затмение, и обычно так же затмевает разум.

Потом была свадьба. Кирилл с Евой. Я, как водится, стоял в стороне — на праздниках я всегда лишний, я как огнетушитель на свадьбе: вроде положено по технике безопасности, но веселья не прибавляет. И там, через весь зал, я увидел её. Она пришла по работе, скучала, и от скуки делала то же, что и я: читала зал. Наши взгляды встретились. И не разошлись дольше, чем прилично.

Я тогда сказал себе: забудь. Следовательно, которая копала под твоих, — последний человек, на которого тебе стоит смотреть через весь зал.

Я хорошо умею говорить себе «забудь». Беда в том, что меня самого этот аргумент убеждает редко.

И вот она снова. В моём, можно сказать, личном углу планеты, куда я хожу побыть наедине с тишиной, — и тишина закончилась.

Я смотрел, как она обходит зал. Дважды. По краю. Читает людей, а не картины. Считает выходы — да, я знаю этот взгляд, потому что у самого такой. Часы дорогие, к платью не подходят — надеты как наживка. Вино в руке нетронутое — реквизит. Всё в ней кричало: я на охоте, не подходите, я при исполнении.

Я мог бы не подходить. Я и собирался не подходить. У меня в жизни выстроена прекрасная, отлаженная система не-подхождения к людям, я её строил годами, она работает безотказно.

Она подошла сама.

— Корсаков.

— Ворон.

И дальше я сделал то, чего не делаю. Я заговорил с человеком первым больше чем на одно слово. Точнее — я не выдержал и прочитал её вслух. Разложил по мелочам: часы, вино, два круга по залу, неправильно выбранный день. Сказал, что она ловит афериста и что пришла не в тот вечер.

Зачем я это сделал — отдельный вопрос, на который у меня нет ответа, который мне самому понравился бы.

Версия для внешнего употребления: чтобы она поняла, что её видно насквозь, и перестала играть в шпионку в моём клубе.

Версия настоящая, которую я держу там же, где тишину: мне хотелось посмотреть, как она отреагирует, когда с ней проделают её же фокус. Большинство людей, когда их читают, пугаются или злятся.

Она — задумалась. На секунду растерялась, а потом в глазах у неё вспыхнул азарт. Чистый, незамутнённый азарт человека, который встретил равного и обрадовался, хотя только что проиграл.

Я узнал этот огонь. У меня самого такой загорается раз в сто лет. И я очень, очень не хотел признавать, что мне приятно было его зажечь.

Дальше она пыталась меня разговорить — наседала, язвила, подкалывала. Я отвечал коротко. Не потому, что мне нечего сказать. А потому, что короткими ответами я её бесил, а злая Ворон — это, как выяснилось, отдельное произведение искусства, ради которого не жалко картин на стенах.

Она спросила, помогаю ли я людям или только подпираю стены. Я честно ответил, что помогаю тем, кому должен, а ей я не должен.

Это была правда. Я никому ничего не должен — я много лет именно тем и занимался, что закрывал все долги, свои и чужие, чтобы наконец не быть должным никому. Это была вся моя цель. Свобода — это когда ты никому ничего не должен и тебе никто.

Я честно стоял в этой своей с трудом заработанной свободе и наблюдал, как она развивается и уходит — прямая, гордая, оскорблённая, *прекрасная* в своём оскорблении.

И вот тут со мной случилось то, чего по всем моим правилам случиться не могло.

Я открыл рот и сказал ей в спину про вторник.

Я сам не понял, как это вышло.

Я отдал ей зацепку. По делу, к которому не имею отношения. Человеку, которому ничего не должен. Просто потому, что увидел, как она идёт по ложному следу, как теряет время в неправильный день, — и что-то во мне, какая-то старая, неистребимая, проклятая привычка не смогла смотреть, как толковый человек делает работу вслепую, когда я могу подсказать.

Это профессиональное, сказал я себе. Я полжизни прикрываю чужие спины.

Рефлекс. Ничего личного.

Я почти в это поверил.

А потом она обернулась — слишком быстро, заметила, что слишком быстро, и разозлилась на себя, я увидел, — и переспросила, откуда я знаю, как думает аферист. И я сказал правду: я полжизни думаю, как думают те, от кого нужно защищать.

Что я не сказал — так это вторую половину правды. Что прямо сейчас я с гораздо большим интересом думаю, как думает она. И не могу. Впервые за долгое время я смотрю на человека и не вижу дна. Обычно я вижу людей до самого доньшка с первого взгляда, это и спасало меня всю жизнь, и портило её. А эту — нет. Глубоко. Темно. Не достать.

Для безопасника человек, которого не можешь просчитать, — угроза.

Для меня — кажется, что-то похуже угрозы. Но это слово я в тот вечер ещё не готов был произнести даже мысленно.

Домой я шёл пешком. Я часто хожу пешком — это единственное время, когда мне никто не нужен, и я сам себе вполне сносная компания.

В тот вечер компания была так себе. Потому что я поймал себя на том, что прокручиваю в голове не дыры в охране клуба, ради которых меня туда позвали, а одну женщину в платье, которое ей не идёт, и с часами, которые ей не идут, и с лицом, которое идёт ей *преступно*.

«Это пройдёт», — сказал я себе.

Я хорошо умею говорить себе разумные вещи. Я просто разучился им верить где-то в районе той самой свадьбы, когда один взгляд через зал задержался дольше, чем прилично.

Я твёрдо решил, что больше с ней не пересекусь. Дело не моё. Женщина не моя. Свобода дорогая, выстрадана, отдавать не намерен.

Я, человек, который много лет просчитывал всё на три хода вперёд, в тот вечер искренне не понимал, что уже опоздал.

Это, кстати, единственное утешение в этой истории. Что не понял не только я. Она, профессиональный знаток человеческих душ, в ту же минуту в другой части города сидела за рулём и тоже врала себе, что это просто дело.

Мы стояли друг друга. Двое лучших в городе специалистов по чтению чужих секретов — и оба в упор не видели одного, самого крупного, написанного аршинными буквами прямо перед носом.

Это даже смешно.

Если бы мне тогда кто-то сказал, что через несколько месяцев я буду сидеть с этой женщиной в одной машине в засаде, в три часа ночи, и слушать, как она шёпотом пересказывает мне сюжет детектива про отравленные пирожные, и при этом думать, что давно не был так счастлив, — я бы порекомендовал этому человеку хорошего врача.

И был бы, как обычно, неправ.

Глава 5 : Вторник

Во вторник я пришла подготовленной.

Это значит, что я пришла в том же ненавистном платье (другого приличного у меня нет, а зарплата следователя не предполагает гардероба для светских прудов), но на этот раз — с планом. Настоящим. Записанным. Я даже завела отдельный блокнот, маленький, в кожаной обложке, солидный, как у настоящего сыщика, а не как тетрадка, в которой я обычно веду дела и рисую на полях злых человечков.

В блокноте было написано:

«ПЛАН.

Прийти.

Быть приманкой.

???

Поймать афериста

».

Пункт три меня смущал. Но, как показывает практика и пятьсот прочитанных детективов, пункт три всегда дописывается сам, по ходу, в самый неподходящий момент. Главное — обеспечить пункты один и два, а судьба подкинет третий, обычно в виде неприятностей.

Судьба в тот вечер превзошла себя.

Пункт один — «прийти» — я выполнила *блестяще*. Тут мне нет равных.

Пункт два — «быть приманкой» — оказался сложнее, чем я думала. Выяснилось, что я не очень умею быть приманкой. Я умею быть следователем, который пугает приманок. А вот стоять с бокалом, мило улыбаться и излучать «я богатая одинокая дурочка, заберите мои деньги» — это, оказывается, отдельный навык, которому меня в академии не учили.

Я попробовала улыбнуться зеркалу в дамской комнате. Зеркало испугалось. Из зеркала на меня смотрела женщина, которая улыбается так, будто прикидывает, куда тебя закопать. Я честно поработала над лицом минут пять. Стало хуже. Стало похоже, что я прикидываю это с особым удовольствием.

— Ладно, — сказала я зеркалу. — Будем брать не обаянием. Будем брать упрямством. На упрямстве я уехала дальше, чем многие на обаянии.

Зеркало не возразило. Зеркало меня уже немного боялось.

Я вышла в зал и приступила к работе приманки так, как умею: то есть встала у стены с бокалом и начала сверлить помещение взглядом следователя, который ищет, кого бы арестовать.

Минут через десять ко мне подошёл официант и осторожно спросил, всё ли в порядке и не вызвать ли кого-нибудь.

— Кого? — уточнила я.

— Не знаю, — честно сказал официант. — У вас лицо человека, которому может понадобиться... кто-нибудь.

Я поблагодарила официанта, сделала вывод, что как приманка я провалилась с треском, и решила сменить стратегию. Раз ко мне не идёт добыча — пойду к добыче я. Я же следователь, а не червяк на крючке. Червяк ждёт. Следователь ищет.

И я пошла искать.

Я нашла его на удивление быстро.

Точнее, я нашла мужчину, который подходил под мой портрет так идеально, что я даже засомневалась — не слишком ли. Красивый — не пошло, а правильно красивый, как актёр на роль порядочного человека. Дорогой костюм, но без крика. Стоял он в окружении двух дам балзаковского достатка и слушал их так, будто они рассказывают ему тайны вселенной, а не про ремонт на даче.

«Слушает, — отметила я. — Слишком хорошо слушает. Как там было у Дарьи: лучший комплимент мошенника — это его уши».

Я подобралась ближе, делая вид, что меня страшно интересует картина на стене (картина изображала синий квадрат, который, судя по ценнику, стоил как моя квартира; искусство я в тот вечер возненавидела отдельно).

И тут он повернул голову и посмотрел на меня.

Прямо. Тепло. С точно отмеренным интересом — не наглым, не липким, а таким, от которого нормальная одинокая женщина чувствует себя замеченной. Я даже мысленно поаплодировала. Профессионал. Высший класс. Я бы у него училась, если бы не собиралась его посадить.

— Вам тоже кажется, что это просто синий квадрат? — спросил он, кивнув на картину.

— Мне кажется, это синий квадрат, который выманил у кого-то цену квартиры, — сказала я. — В своём роде тоже талант.

Он рассмеялся. Хорошо рассмеялся, искренне на вид.

— А вы прямолинейны.

— Это моё проклятие, — сказала я чистую правду. — Меня за это никто не любит.

— А по-моему, это редкость, — сказал он, понизив голос ровно настолько, чтобы это прозвучало как начало чего-то. — Прямолинейные люди. Их так мало. С вами, наверное, можно не притворяться.

Ах, какой молодец. Какой мастер. Он за тридцать секунд нащупал, чем меня брать, — не комплиментом внешности (на это я бы ошетижилась), а комплиментом характеру. «С вами можно не притворяться» — это он мне, человеку, который всю жизнь бесит окружающих своей прямоотой. Это было почти трогательно. Если бы я не знала, что то же самое он, слегка переписав, говорил Жанне, и ещё трём, и бог знает скольким, о ком я ещё не знаю.

— Можно, — сказала я и улыбнулась. На этот раз улыбка вышла. Потому что теперь я не изображала дурочку. Теперь я охотилась, а на охоте я хороша. — Совсем не притворяться. Расскажите мне о себе. Только всё. Я обожаю подробности.

Я действительно обожаю подробности. В подробностях люди и попадают.

Его звали — в тот вечер — Артур. Он был — в тот вечер — совладельцем инвестиционного фонда с французским названием, которое я тут же мысленно записала, чтобы пробить и убедиться, что его не существует.

Он был хорош. Я не буду врать и говорить, что раскусила его в две минуты. Я слушала, кивала, ахала в нужных местах, и где-то на двадцатой минуте поймала себя на том, что мне почти, почти приятно. Что если отключить в голове следователя — со мной флиртует красивый внимательный мужчина, и это, чёрт возьми, случается со мной нечасто, потому что обычно мужчины, увидев моё лицо и узнав мою профессию, вспоминают о срочных делах в другом полушарии.

Я не отключила следователя. Я его никогда не отключаю. Но галочку «он умеет нравиться» поставила честно. Опасный клиент.

Мы проговорили час. Он не сделал ни одной ошибки. Ни разу не заторопился, не спросил ничего лишнего, не назвал суммы — терпеливый, как удав на диете. Он работал вдолгую, я это

видела, и понимала, что одного вечера мало, что мне придётся встречаться с ним ещё, входить в роль, тянуть эту ниточку неделями.

Я была почти счастлива. Настоящее дело. Достойный противник. План (пункт три всё ещё «???», но уже теплее).

А потом, прощаясь, он галантно поцеловал мне руку, сказал «до встречи, Варвара» — я представилась настоящим именем, фамилию, конечно, придержав, — и ушёл, оставив меня с телефоном, по которому я могла его найти, и с прекрасным чувством удачно начатой охоты.

Чувство продержалось ровно до выхода из башни.

Потому что на выходе, у машины, привалившись к крылу с видом человека, который тут стоит уже давно и от скуки пересчитал все звёзды, меня ждал Игорь Корсаков.

— Вы, — сказала я, остановившись. — Опять. Вы что, тут живёте? У вас раскладушка в этом углу?

— Я был неподалёку, — сказал он.

— Корсаков, — сказала я. — «Неподалёку» — это когда человек случайно оказался в радиусе километра. А не когда он стоит у моей машины, которую я припарковала за два квартала в тёмном переулке, потому что я конспиратор. Как вы вообще нашли мою машину?

— Вы плохой конспиратор, — сказал он.

— Я отличный конспиратор!

— Вы припарковались под единственным фонарём в переулке, — сказал он. — Я бы сказал, демонстративно.

Я открыла рот. Закрыла. Фонарь действительно был. Я выбрала это место, потому что под фонарём не так страшно возвращаться ночью. Я не стала ему этого объяснять, потому что «я боюсь темноты» — не та фраза, которую говорят человеку, перед которым ты только что назвалась отличным конспиратором.

— Что вам нужно, Корсаков? — спросила я устало. — Вы же мне ничего не должны, вы сами вчера сказали. Помните? Прекрасный был монолог. Я даже всплакнула.

Он помолчал. И сказал то, чего я совсем не ждала.

— Вы сегодня час просидели наедине с человеком, который, возможно, разводит и обчищает женщин, — сказал он. — Без прикрытия. Без страховки. Никто не знал, где вы и с кем. Если бы он оказался не просто аферистом, а чем-то похуже, — вас бы искали неделю. А нашли бы, возможно, не всю.

Я хотела съязвить.

Я открыла рот для очень хорошей, очень едкой фразы.

И не нашла её. Потому что он был прав. Я действительно просидела час с потенциальным преступником одна, никому не сказав, увлечшись охотой, и если бы Артур-в-тот-вечер оказался настоящим хищником, а не светским — я бы влипла так, что никакой пункт три меня бы не вытащил.

— Это, — сказала я наконец, — не ваше дело.

— Не моё, — согласился он. — Совершенно не моё.

И не ушёл.

Стоял у моей машины, большой, спокойный, *раздражающе правый*, и явно не собирался никуда уходить, пока не убедится, что я сяду в эту машину и уеду живой.

И вот тут, стоя в тёмном переулке под единственным фонарём, напротив человека, которому я ничего не должна и который ничего не должен мне, я поняла одну опасную вещь.

Мне понравилось, что кто-то проверил, жива ли я.

За меня давно никто не волновался. Папа — тот волнуется по-генеральски: через приказ, через «я же говорил», через попытки перевести меня на бумажную работу «ради моей

же безопасности». А вот так, молча, придя ночью к машине, ничего не требуя, просто чтобы убедиться, — за меня так не волновался никто и никогда.

Я села в машину раньше, чем эта мысль успела дойти до моего лица.

— Спокойной ночи, Корсаков, — сказала я в окно.

— Вторник я угадал? — спросил он.

— Угадали, — буркнула я.

И мне показалось — только показалось, темно же было, — что он улыбнулся. По-настоящему. На целых два миллиметра.

Я ехала домой и злилась, что записываю эти миллиметры. Кто вообще считает чужие миллиметры? Следовательно, у которого профессиональная деформация, вот кто. Я списала всё на деформацию.

На деформацию, как и на дело, прекрасно списывается всё.

Глава 6 : Напарник, которого я не просила

Через два дня я снова сидела за тем самым столом по средам, и это уже начинало входить в опасную привычку.

Я пришла, между прочим, по делу. Мне нужно было кое-что уточнить у Жанны про «винодела» — детали, которые всплывают, только когда жертва успокоится и перестанет рыдать в кольца. Но прийти к Жанне и не остаться на обед оказалось технически невозможно: Жанна хватает тебя за рукав с цепкостью, которой позавидовал бы мой аферист, и ты не успеваешь опомниться, как уже сидишь с салфеткой на коленях, а напротив Ева наливает тебе вина, которое ты не заказывала.

— Я за рулём, — сказала я.

— Ты при исполнении, — сказала Ева. — А это разные степени трагедии. Пей, Варвара Андреевна. У тебя лицо человека, которому сегодня хамил мир.

— Мир мне не хамил, — сказала я. — Мир меня игнорировал. Это хуже.

— А она мне нравится, — сообщила Ева Полине в тысячный раз.

— Я заметила, — сказала Полина. — Ты это говоришь с первого обеда.

— Потому что это с первого обеда правда, — сказала Ева.

Я рассказала им, как продвигается дело. Не всё — я следовательно, я не выкладываю карты, — но достаточно, чтобы Жанна почувствовала, что её винодела ловят, и перестала каждые два часа писать мне «НУ ЧТО?» капслоком.

Я рассказала про вторник. Про синий квадрат, про «Артура», про то, какой он мастер, какой терпеливый, как точно бьёт.

И — вот тут я сделала ошибку — упомянула вскользь, что встречаться с ним придётся ещё, входить в роль, тянуть неделями.

За столом стало тихо. Нехорошо тихо. Так тихо становится, когда три женщины одновременно подумали одно и то же и теперь решают, кто скажет первой.

Сказала Жанна. Жанна вообще говорит первой, это её способ существования.

— Одна?! — провозгласила она так, что обернулся соседний стол. — Ты будешь встречаться с этим бандитом одна?!

— Он не бандит, он аферист, — поправила я. — И да, одна. Я следовательно. Это, как ни странно, моя работа.

— Деточка, — сказала Жанна, и в голосе её зазвенел металл, которым она, видимо, гнёт поставщиков. — Я тебя умоляю. Меня этот красавчик развёл с тридцатилетним опытом в бизнесе и охраной на входе. А ты собираешься сидеть с ним в ресторанах одна, как овечка, и думаешь, что твоё удостоверение тебя спасёт, если что?

— У меня не только удостоверение, — сказала я. — У меня ещё характер.

— Характером ты его заговоришь до смерти, не спорю, — сказала Ева. — Но я бы на твоём месте взяла страховку понадёжнее характера.

— У меня нет страховки, — сказала я. — У меня отдел, в котором на четыре «глухаря» один Дениска, и тот считает моё дело ерундой про обиженных тёток. Мне не дадут людей на сопровождение под прикрытием ради дела, которое официально — тьфу.

И тогда Ева отставила бокал.

И я поняла, что сейчас будет.

— Возьми Игоря, — сказала Ева.

— Нет, — сказала я. Быстро. Слишком быстро. Я даже сама услышала, как быстро.

— А чего так резко-то? — невинно спросила Ева. — Я ещё ничего не предложила, а ты уже отказалась. Интересная реакция для следователя. Я бы на твоём месте занесла её в протокол.

— Я знаю, что ты предложишь, — сказала я. — Ты предложишь приставить ко мне этого... этот шкаф. В качестве няньки.

— В качестве лучшего специалиста по безопасности в этом городе, — сказала Ева. — Который, на минуточку, полжизни занимался ровно тем, что прикрывал людей в ситуациях пострашнее ужина с виноделом. Который знает этот круг изнутри. Который тебя, кстати, уже один раз проводил до машины, я слышала.

— Откуда ты слышала?! — Я аж подскочила.

— Город маленький, — сказала Ева сладко. — Башня одна. Углов мало.

Полина за её спиной откровенно давилась смехом в чашку. Я начинала понимать, что попала не в обеденный клуб, а в хорошо законспирированную организацию по устройству моей личной жизни, и что заседание уже идёт полным ходом, и протокол ведётся, и я тут не следователь, а подследственная.

— Девочки, — сказала я, переходя на тон, которым обычно прекращаю истерики на допросах. — Я ценю заботу. Правда. Но мне не нужна нянька. Тем более такая... молчаливая. Я с ним рядом полчаса постою — и поседею от тишины.

— Так разговори его, — пожала плечами Ева. — Ты ж следователь. Ты Гнидиных колешь. А тут целый Корсаков. Профессиональный вызов.

Я открыла рот возразить.

И не нашла что. Потому что «профессиональный вызов» — это было ровно то слово, на которое я ловлюсь, как мой аферист на богатых вдов. Ева знала, на что давить. Ева вообще, кажется, читала меня не хуже, чем тот, второй, у стены.

Господи, да они тут все сговорились. Целый *картель* чтецов.

— И вообще, — добавила Жанна, добивая, — он же согласится. Ради вас, девочки, он на всё согласится, он вас обожает.

— Он нас не обожает, — поправила Полина мягко. — Он за нас отвечает. Это у Игоря одно и то же.

— Тем более, — сказала Жанна. — Попросим — поможет. Он по-другому не умеет. Один раз попросили — он год чужую тайну сторожил и слова не сказал. Такой человек.

Я не знала, о какой тайне речь, и спрашивать не стала — у этих людей за плечами, я давно поняла, целый сериал, в который меня пока пускают только со второго сезона. Но фраза «год сторожил чужую тайну и слова не сказал» отчего-то застряла у меня в голове.

Человек, который умеет молчать год ради чужого. Это либо очень страшно, либо очень надёжно. А чаще, я по опыту знаю, и то и другое сразу.

— Я подумаю, — сказала я.

— Она согласна, — перевела Ева Полине.

— Я сказала «подумаю»!

— «Подумаю» у таких, как мы, означает «согласна, но хочу, чтобы это выглядело как моё решение», — сказала Ева. — Я тебя насквозь вижу, Варвара Андреевна. Не потому что я гениальная. А потому что ты — это я, только с удостоверением и без чувства стиля в одежде.

— У меня прекрасное чувство стиля, — оскорбилась я.

— На тебе пиджак, в котором тебя, наверное, и похоронят, — сказала Ева. — И тебе в нём отлично. В этом весь ужас. А она мне нравится, Полина.

— Я заметила, — сказала Полина. — С первого обеда.

Я ушла от них в смятении, в котором не признавалась себе до самого подъезда.

С одной стороны — меня переиграли. Три женщины за одним столом сделали со мной то, что не удавалось ни подозреваемым, ни начальству, ни папе-генералу: уговорили меня на то, чего я не хотела, так, что я почти поверила, будто это я сама придумала.

С другой стороны — и вот это была неприятная сторона — они были правы. По делу правы. Встречаться с Артуром в одиночку, без страховки, было глупо. Я сама это знала ещё в том переулке, под фонарём, когда один большой молчаливый человек объяснил мне это в двух предложениях, от которых я не нашлась что ответить.

Мне нужна была страховка. Профессиональная, надёжная, знающая этот круг.

Беда в том, что лучшая страховка в городе была ростом под два метра, носила тёмные рубашки, считала мои миллиметры так же, как я считала его, и от одной мысли о том, чтобы провести с ним вечер в одной машине, у меня внутри происходило что-то, чему я отказывалась подбирать название.

Я следовательно. Я называю вещи точно.

Но есть вещи, которые я предпочитаю оставлять без протокола.

Вечером он позвонил сам.

Номер был незнакомый, но я поняла, чей он, ещё до того, как сняла трубку, — не спрашивайте как. Просто поняла.

— Ворон, — сказал он вместо «здравствуйте».

— Корсаков, — сказала я. — Дайте угадаю. Вам звонила Ева.

— Звонили все три, — сказал он. — По очереди. Потом ещё раз по кругу. Жанна — трижды.

— И что вы им сказали?

Пауза. Я уже выучила его паузы. Эта была не «мне нечего сказать». Эта была «я подбираю, как сказать так, чтобы не сказать лишнего».

— Я сказал, что подумаю, — ответил он наконец.

— Надо же, — сказала я. — У нас с вами одинаковый словарь. «Подумаю» у таких, как мы, означает «согласен, но не хочу, чтобы это выглядело как чужое решение».

Снова пауза. И в этой паузе — я могла поклясться — пряталась та самая улыбка на два миллиметра, которую по телефону не видно, но которую я уже умела слышать.

— Вторник, — сказал он. — Куда он вас позвал в следующий раз?

— В ресторан, — сказала я. — В пятницу. Откуда вы...

— Я заеду за вами в семь, — сказал он. — Не под фонарём. *Я найду сам.*

И повесил трубку. Раньше, чем я успела сказать, что я ничего не решала, что я просто думаю, что мне не нужна нянька, что я отличный конспиратор и сама прекрасно справлюсь.

Я смотрела на погасший экран телефона и понимала, что у меня, кажется, появился напарник.

Которого я не просила.

Которого, если совсем честно — а я с собой честна, работа такая, — я, кажется, всё-таки *немножко* хотела.

Эту последнюю мысль я, по сложившейся традиции, занесла в дело под грифом «не моё, списать на работу» и убрала подальше.

Папка с грифом «не моё» у меня в последнее время подозрительно толстела.

Глава 7 : Сзади, Варвара Андреевна

В пятницу в семь ноль ноль он стоял у моего подъезда.

Не в семь ноль две. Не в шесть пятьдесят восемь. В семь ноль ноль — я специально посмотрела на часы, потому что человек, который приезжает минута в минуту, говорит о себе больше, чем час допроса. Этот говорил: «я уважаю чужое время и презираю опоздания». Я с таким могла бы сработаться. Если бы он сообщал мне хоть что-нибудь, кроме времени.

Я вышла. И на секунду пожалела, потому что он стоял, прислонившись к машине, в тёмном пиджаке поверх своей вечной тёмной рубашки, и выглядел так, что мне пришлось напомнить себе, зачем мы едем.

Мы едем ловить афериста.

Не любоваться напарником. Любование напарником в протоколе *не предусмотрено*.

И ещё машина.

Машина была — я в них не разбираюсь, но даже я поняла, что это много денег, тихо стоящих у моего обшарпанного подъезда. Большая, тёмная, представительская, из тех, в которых возят не людей, а Людей, с большой буквы, в галстуках, к которым нельзя без записи.

— Корсаков, — сказала я, — вы это ограбили или одолжили?

— Моя, — сказал он.

— У вас такая машина?

— У меня, — сказал он спокойно, — после прошлого года не осталось почти ничего, кроме свободы и машины. Свободу в багажник не положишь. Пришлось оставить машину.

Я не поняла, шутка это или нет. У него вообще никогда не понятно. Но «после прошлого года» он сказал так, что я решила не лезть — у этих людей, я уже усвоила, за плечами целый сезон, который мне показывают по чуть-чуть.

— Значит так, — сказала я, садясь и переходя на деловой тон, единственный, в котором я чувствую себя в безопасности. — План. Я захожу. Вы — нет. Вы ждёте снаружи и страхуете. Я веду беседу, тяну детали. Если что-то не так — подаю знак.

— Какой знак?

Я задумалась. О знаке я не подумала.

— Я... поправлю серёжку.

— Вы не носите серёжек.

— Откуда вы... — Я потрогала уши. Серёжек не было. — Ладно. Уроню салфетку.

— Уроните салфетку, — согласился он. — Это делают все. Никто не подумает. — Пауза. — Только снаружи я ждать не буду.

— Почему это?

— Потому что вы изображаете женщину при деньгах и без мужа, — сказал он. — У такой женщины есть человек, который её возит. Который ждёт, пока она ужинает, и отвозит домой. Если вы приезжаете одна, за рулём, и одна же уходите в ночь — вы не богатая одинокая дама. Вы следователь на служебной. Он это срисует за минуту.

Я открыла рот возразить.

И закрыла. Потому что это было логично. Унизительно логично.

— То есть вы, — уточнила я, — будете изображать моего водителя.

— Я буду сидеть в стороне с кофе и ждать мадам, — сказал он. — На таких не смотрят. Водитель — самая невидимая фигура в любом ресторане. Невидимее только официант, но официантом мне уже поздно переучиваться.

И вот тут я засмеялась. Вслух, неожиданно для себя, потому что «официантом мне уже поздно переучиваться» он выдал ровно с тем же каменным лицом, с каким говорил всё осталь-

ное, — и в этом и была шутка. Не в словах. В том, что человек-скала позволил себе пошутить над собой, не сдвинув ни одной мышцы.

— Корсаков, — сказала я. — Вы *пошутили*.

— Не выдумывайте, — сказал он и завёл мотор.

Но я-то слышала.

В ресторан мы вошли порознь — я первая, он через пару минут. И, надо отдать ему должное, перевоплотился он мастерски: сел в стороне, заказал кофе, достал телефон и сделался ровно тем, кем должен был, — человеком, который привёз и теперь убивает время. Скучающий водитель состоятельной дамы. Я бы сама в него не поверила, если бы не знала. На него действительно не смотрели. Богатый зал не видит обслугу — это, между прочим, главный секрет всех мошенников и всех шпионов на свете.

Артур пришёл ровно настолько с опозданием, чтобы это считалось элегантным. Тонкая настройка. Профессионал.

— Варвара. Вы ещё прекраснее, чем я запомнил.

— А вы ещё пунктуальнее, чем обещали, — сказала я, и он рассмеялся, приняв колкость за кокетство.

Мы сели. Он заказал вино, которое я не буду пить, и закуски, которые я съем все, потому что нервничаю с аппетитом. Включил то самое обаяние, отрепетированное до миллиметра, и принялся за работу: тепло, внимание, выверенная доза интереса.

И я работала. Тянула, уводила в нужную сторону, ловила нестыковки, запоминала имена, которые потом пробью. Я была хороша. Я знаю, когда я хороша.

Беда была в том, что примерно треть внимания упрямо уходила не на афериста.

А на скучающего водителя с кофе через несколько столиков.

Я не смотрела на него — я профессионал, я не палю прикрытие. Но я его чувствовала. Спинай, затылком, кожей, как чувствуешь солнце сбоку, даже не глядя на солнце. Я знала, что он там. Знала, что он держит в поле зрения и меня, и зал, и руки Артура, как и положено. Но в какие-то моменты — могла поклясться — и просто меня.

И когда Артур в очередной раз накрыл мою руку своей — тёплой, ухоженной, отрепетированно-нежной рукой профессионального лжеца, — я поймала себя на странном.

Мне было неприятно, что эту руку видит Игорь.

Не противно от руки афериста — к этому я была готова, это работа. А именно — неприятно, что Игорь видит, как другой держит мою руку. Как будто это имело значение. Как будто между мной и скучающим водителем с кофе было что-то, что чужая рука могла испортить.

Я высвободила руку — потянувшись за бокалом. И, поднося бокал к губам, на долю секунды не удержалась и скользнула взглядом через зал.

Игорь смотрел прямо на меня.

И лицо у него было — не водителя. Не скучающего. На секунду, пока он не успел спрятать, лицо у него было человека, который очень хочет встать, подойти и убрать чужую руку с того, что считает *своим*.

А потом он опустил глаза в телефон и снова стал невидимкой.

Но я видела. Я следователь. Я вижу то, что люди прячут.

И весь остаток вечера пыталась понять, почему от этой одной секунды мне стало теплее, чем от всего отрепетированного обаяния напротив.

Артур проводил меня до выхода. Договорился о следующей встрече — клевал медленно, осторожно, как хороший хищник. Поцеловал руку. И, что важно, не ушёл сразу: остановился

на крыльце прикурить, явно намереваясь проследить, как именно уезжает богатая одинокая Варвара. Хищники проверяют добычу до конца.

И вот тут я чуть всё не завалила.

Потому что к машине я пошла на автопилоте — уставшая от роли, от обаяния, от чужой руки, — и на автопилоте же взялась за ручку передней двери. Той, что рядом с водителем. Как делаю всю жизнь, потому что всю жизнь сажусь вперёд, потому что ездить сзади, когда впереди свободно, кажется мне барством и глупостью.

Игорь, уже стоявший у машины, не дал мне открыть дверь.

— Сзади, Варвара Андреевна, — сказал он негромко, но так, что я мгновенно поняла: на нас смотрят.

— Что?

— Дамы вашего положения, — сказал он, открывая мне заднюю дверь с лёгким поклоном, безупречным, отработанным поклоном профессионального водителя, — ездят сзади. Спереди ездит обслуга.

Я застыла на полсекунды. Поняла. И, проглотив пять заготовленных колкостей, царственно — насколько можно быть царственной, когда у тебя горят уши, — опустилась на заднее сиденье.

Игорь закрыл за мной дверь. Обошёл машину. Сел за руль. На крыльце Артур докурил, удовлетворённо кивнул каким-то своим мыслям — картинка сошлась, богатая дама, личный водитель, всё как надо — и ушёл.

Мы тронулись.

Я сидела сзади, как барыня, и кипела.

— Вы получили от этого удовольствие, — сказала я в затылок водителю.

— Я выполнял легенду, — сказал затылок.

— Вы поклонились. С поклоном. «Дамы вашего положения». Вы это смаковали, Корсаков, я слышала по голосу.

— У меня нет интонаций, — сказал он. — Вы сами говорили. Шкаф. Стена. Откуда у стены смакование.

— У этой стены, — сказала я, — оказалось отвратительное чувство юмора. Тихое и подлое. Самое опасное.

В зеркале заднего вида я поймала его глаза. И в них — клянусь, я следовательно, я не выдумываю — было то самое. Два миллиметра. Веселье.

— Вперёд сядете на обратном пути, — сказал он. — Когда нас никто не видит.

— Может, вам ещё фуражку купить?

— Куплю, — сказал он невозмутимо. — Если это поможет делу.

— Это не поможет делу. Это поможет мне над вами смеяться.

— Тогда тем более куплю, — сказал он.

И я отвернулась к окну, чтобы он в зеркале не увидел, что я улыбаюсь.

Хотя он, конечно, увидел. Он всё видит. В этом и беда.

Домой мы ехали молча — но это было другое молчание, не то ледяное, что в начале вечера. Тёплое какое-то. Уютное. Опасное.

Я сидела сзади, смотрела на его руки на руле — да, опять на руки, у меня, видимо, диагноз — и думала о том, что вечер, который я планировала как чисто рабочий, получился каким угодно, только не чисто рабочим.

Я завела дело на афериста.

А складывается ощущение, что параллельно кто-то — судьба, банда, или этот невыносимый человек за рулём — потихоньку заводит дело *на меня*.

И самое неприятное: я, следователь с десятилетним стажем, которая нюхом чует слежку, не имею ни малейшего желания это дело закрыть.

Списать на работу не получалось уже даже у меня.

А я, между прочим, мастер списывать на работу.

Глава 8 : Метод Донцовой

Идея с засадой была моя. И, как все мои лучшие идеи, она пришла из источника, который я не называю вслух.

После «свидания» я поняла главную проблему: я знаю «Артура» только таким, каким он приходит на свидания. Отрепетированным. Идеальным. А мне нужен был другой — настоящий, тот, что между ролями: куда едет, где живёт, с кем встречается, когда снимает обаяние, как снимают мокрый плащ. Настоящего адреса у меня не было. Телефон, по которому я могла его найти, был оформлен на покойную бабушку из Челябинска — я проверила, изящная работа, я почти зауважала.

И вот тут мне помогла Дарья.

Точнее, не Дарья, а одна история, где сыщица вычислила, что фигурант, как бы он ни путал следы, раз в неделю обязательно приезжает в одно и то же место — потому что у каждого человека есть точка, которую он не маскирует, слабое место, привычка, которую жалко бросить. У одного это мама. У другого собака. У третьего — любимаяпельменная, ради которой он рискует всем.

«У моего тоже что-то есть, — подумала я. — Не может не быть. Идеальные снаружи — это те, кто всё вычистил напоказ, а одно грязное пятнышко прячет для себя, потому что без него задохнётся».

Я знала, в какой вечер он «свободен» (он сам обмолвился, выстраивая легенду занятого человека). Я предположила, что в этот вечер он и поедет в свою «точку». Мне осталось сесть ему на хвост и подождать.

Для слежки нужна была машина, которую «Артур» не видел. Машина Игоря отпадала: на ней он возил меня к ресторану в роли водителя, и аферист её срисовал. А вот мою машину «Артур» не видел ни разу — богатая одинокая Варвара приезжала на свидания на такси, своё лицо и своё авто я ему не показывала.

Значит, ехать предстояло на моей.

Был, правда, *нюанс*. И нюанс этот, как выяснилось, стоил мне нервов больше, чем весь аферист.

— Это, — сказал Игорь, когда я изложила план, — не метод. Это гадание.

— Это метод, — сказала я. — Проверенный.

— Кем проверенный?

— Практикой, — сказала я твёрдо, потому что «одной сыщицей по имени Дарья» звучало бы менее убедительно в суде и вообще где угодно.

Он посмотрел на меня тем своим долгим взглядом, которым, кажется, просвечивал до костей. Я держала лицо. Я хороший игрок. Лицо я держать умею даже когда внутри всё подсказывает, что мой метод действительно немного гадание.

— Хорошо, — сказал он неожиданно. — Едем.

— Едем? Вы согласны? Без спора?

— Я спорить не буду, — сказал он. — Я просто буду рядом, когда ваш метод не сработает.

Кто-то должен отвезти вас домой, когда вы разочаруетесь в человечестве к четырём утра.

— Какой вы заботливый пессимист, — сказала я.

— Реалист, — поправил он. — Пессимисты не приезжают. *Я приехал*.

Нюанс выяснился у моей машины.

— Ключи, — сказал Игорь, протянув руку.

— Это моя машина, — сказала я.

— Слежку веду я, — сказал он. — Я это делаю полжизни. Вы — раз в год, по методу из книги. За рулём должен сидеть тот, кто умеет вести объект так, чтобы тот не заметил. Это не про уважение к вам. Это про то, чтобы не упустить «Артура» на первом же повороте.

Он был прав. Опять. И это бесило отдельно, потому что я свою машину не отдаю никому — ни папе, ни механику без надзора, ни мужчинам, особенно мужчинам. За мой руль садятся только через мой труп, и обычно я это сообщаю на первой же попытке.

Я сообщила. Он выслушал. Молча. И снова протянул руку за ключами.

— Если поцарапаете, — сказала я, вкладывая ключи в его ладонь с ощущением, будто отдаю ребёнка чужой няньке, — я заведу на вас дело. Настоящее. С фотографиями.

— Я не царапаю, — сказал он. — Я полжизни вожу так, чтобы меня не было видно. Поцарапанная машина — это машина, которую заметили. Я не из тех, кого замечают.

«Тебя сложно не заметить», — подумала я, глядя снизу вверх на два метра напарника, складывающегося за руль моей небольшой машины, как взрослый складывается в детский стульчик. Вслух я этого, разумеется, не сказала.

И вот мы сидели в моей машине, в темноте, через дорогу от подъезда «Артура» — единственного адреса, который у меня был, пусть и временного, съёмного, для свиданий. Сидели и ждали, выедет ли он и куда.

Засада — это, вопреки кино, девяносто процентов скуки и десять процентов того, ради чего терпишь скуку. Я в засадах своя. Я люблю это тихое выжидание, эту охотничью неподвижность.

Чего я не учла — так это того, каково сидеть в неподвижной тишине рядом с человеком, который сам по себе — *тишина*.

Первый час мы молчали. Профессионально. Двое мастеров молчания, упоённо молчащих друг на друга. Я даже начала получать удовольствие — а потом поняла, что наслаждаюсь не тишиной, а тем, что он рядом, и это открытие так меня смутило, что я, человек, который молчать умеет вечно, не выдержала и заговорила.

[Игорь]

Двадцать два ноль семь. Объект не вышел.

Двадцать три пятнадцать. Объект не вышел. Она съела половину моих орехов и весь свой энтузиазм оставила при себе.

*Ноль часов сорок. Объект не вышел. Зато я узнал сюжет трёх детективов про отравленные пирожные, фальшивого графа и собаку, которая нашла труп раньше полиции. Я не спрашивал. Она рассказывает их, когда нервничает. А она нервничает, когда я молчу. Я молчу. Замкнутый круг, в котором мне, к моему изумлению, **хорошо**.*

— ...и вот представьте, — шептала я (в засаде шепчут, хотя нас никто не слышит, это ритуал), — собака притащила хозяйке тапок убийцы. Тапок! И всё, дело раскрыто. Потому что у убийцы была одна нога чуть короче, и тапок стоптан как раз на эту ногу.

— Это *неправдоподобно*, — сказал Игорь.

— Это *гениально*.

— Собака не отличает тапок убийцы от любого другого тапка.

— Эта отличала. Это была особенная собака.

— Все собаки в ваших книгах особенные, — сказал он. — И все следователи в них работают методами, за которые в реальности увольняют.

— Зато раскрывают, — сказала я. — Сто процентов раскрываемость. У меня в отделе о такой только мечтают.

— У вас в книгах раскрываемость сто процентов, — сказал он, — потому что их пишет человек, который заранее знает убийцу. В жизни так не бывает.

— В жизни, — сказала я, — у меня сейчас работает метод из такой книги. И если «Артур» сейчас выйдет и поедет туда, куда я думаю, — вы будете должны мне извинение. Письменное. С поклоном. Как тогда, у ресторана.

— Если он выйдет и поедет, — сказал Игорь, — я куплю вам ту самую книгу в подарочном издании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.